

Другой сарацин, по имени Себреки, который был родом из Мавритании, выступил против этого предложения. «Если после того, как мы убили нашего султана, – сказал он, – мы убьем и этого короля, все скажут, что египтяне – самый подлый и предательский народ в мире». Тот, что хотел нашей смерти, возразил ему: «Это верно, что поступили мы очень плохо, когда, чтобы избавиться от нашего султана, убили его, ибо нарушили закон Магомета, который приказывал оберегать властителя как зеницу ока. Эта заповедь записана в книге. Но послушайте, – продолжил он, – и другую заповедь, которая приведена ниже». С этими словами он перевернул страницу книги, которую держал в руках, и показал другую заповедь, которая гласила: «Для сохранения веры уничтожай врагов закона!» «Теперь, – сказал он, – вы можете видеть, что мы нарушили одну из заповедей Магомета, убив нашего государя; но мы поступим еще хуже, если не убьем этого короля, потому что он самый могущественный враг нашего мусульманского закона».

Наша смерть была почти обговорена. И так случилось, что один из эмиров, который был настроен против нас, думая, что все мы будем убиты, вышел на берег реки и стал что-то кричать на сарацинском языке тем, кто охранял галеры. Одновременно он снял тюрбан и начал размахивать им в воздухе. Команда немедленно подняла якорь и отвела нас вверх по течению на целую лигу по направлению к Каиру. Мы поняли, что для нас все потеряно, и было пролито немало слез.

Но Господь, который не забывает преданных Ему, сделал так, что к закату солнца все же было принято решение освободить нас. Так что нас привели обратно, и наши четыре галеры пристали к берегу. Мы потребовали, чтобы нам разрешили идти, но сарацины сказали, что не отпустят нас, пока мы не поедим: «Наши эмиры будут пристыжены, если вы покинете тюрьму голодными». Так что нам принесли еду, и мы поели. Еда, которую они дали нам, состояла из сырных лепешек, высушенных на солнце, чтобы в них не завелись насекомые, и из крутых яиц, сваренных три или четыре дня назад, скорлупа которых в нашу честь была окрашена в разные цвета.

После того как нас свели на берег, мы отправились встретиться с королем, которого привели к реке из шатра, в котором он содержался. Добрых двадцать тысяч сарацин с саблями в руках следовали за ним по пятам. На реке прямо перед королем стояла гонуэзская галера, на борту которой, казалось, был только один человек. Едва только увидев на берегу реки короля, он свистнул. Из трюма галеры высыпали восемьдесят арбалетчиков, все в полном вооружении, с натянутыми арбалетами, и в мгновение ока в желобках появились стрелы. При виде их сарацины кинулись бежать, как стадо овец, и при короле осталось не больше двух или трех человек.

С галеры на берег был спущен трап, чтобы его величество мог подняться на борт. С ним оказались его брат граф д'Анжу, Жоффруа де Саржине, Филипп де Немур, Анри дю Мец, маршал Франции, и я. Граф де Пуатье оставался в заключении, пока король не выплатил сарацинам двести тысяч ливров выкупа.

В субботу после дня Вознесения – то есть на другой день после нашего освобождения – граф Фландрский, граф де Суасон и несколько других знатных людей, которые содержались в плену на галерах, пришли проститься с королем. Его величество сказал им, что, по его мнению, им стоило бы дожидаться освобождения их собрата, графа де Пуатье. Тем не менее они сказали, что ждать не могут, потому что их галеры полностью готовы к выходу в море. Погрузившись на корабли, они отправились во Францию, взяв с собой достойного графа Пьера де Бретаня, который был так болен, что прожил всего три недели и умер в море.

Подготовка к выплате выкупа сарацинам началась в субботу утром. Чтобы сосчитать монеты, которые отмерялись по весу, потребовался весь этот день и следующий до вечера, и на каждую чашку весов ложилось до десяти тысяч ливров. Примерно к шести часам вечера воскресенья люди короля, которые взвешивали монеты, послали сказать ему, что до окончательной суммы не хватает добрых тридцати тысяч ливров. В то время с королем были только граф д'Анжу, маршал Франции и я. Все остальные не покладая рук считали деньги для выкупа.

Я сказал королю, что стоит послать за маршалом ордена храмовников – магистр был мертв – и попросить его одолжить тридцать тысяч ливров, столь необходимых для освобождения брата. Король попросил послать за храмовниками и дал мне поручение сказать им, в чем мы нуждаемся. После того как я поговорил с ними, брат Этьен д'Отрикур, командор храмовников, дал мне их ответ. «Властитель Жуанвиля, – сказал он, – совет, который вы дали королю, неразумен. Потому что вы знаете, что все деньги на нашем попечении оставлены нам на клятвенном условии, что они никогда не будут переданы никому, кроме тех, кто доверился нам». И после этого мы обменялись большим количеством грубых и оскорбительных слов.